

К вопросу о некоторых проблемах квалификации преступлений насильственного характера

Гроголь Анастасия Георгиевна,

студент 3-го курса международно-правового факультета Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России

143007, Московская обл., гор. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, дом 3

E-mail: a.grogol@my.mgimo.ru

Салтыков Георгий Валентинович,

студент 3-го курса международно-правового факультета Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России

143007, Московская обл., гор. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, дом 3

E-mail: tovgosha1703@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу и изучению актуальных проблем в области теории и практики расследования и предупреждения насильственных преступлений в Российской Федерации. Объектом исследования являются материальные и процессуальные нормы, применяемые при производстве дел о насильственных преступлениях. Предметом исследования являются проблемы, возникающие при рассмотрении подобных дел. Изучаются отдельные вопросы квалификации насильственных деяний, а также допустимости некоторых новых видов доказательств в судебном процессе. С развитием информационно-телекоммуникационных систем стали также появляться новые способы совершения правонарушений, которые, ввиду особенностей таких систем, бывают трудно расследуемыми и обстоятельства, имевшие место, практически невозможно доказать достаточно просто, если не обновлять законодательную базу в определённой её части. Работа представляет собой рассмотрение таких проблем, с которыми российское общество и государство столкнулось в ходе развития уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства.

Ключевые слова. Уголовное законодательство, насильственные преступления, преступлений в цифровой сфере, кибербуллинг.

Введение

Сила, как элемент, свойственный человеку от природы, применялась повсеместно в определённых ситуациях во всём мире. Ввиду невозможности искоренения её применения в противозаконных целях современные правовые нормы разных государств предполагают механизмы наказания лиц, совершивших преступления с применением насилия. Действующее в Российской Федерации уголовное законодательство рассматривает насильственные действия как самостоятельный состав преступления, так и в качестве квалифицирующего обстоятельства иных преступлений.

Результаты и обсуждения

Насильственные преступления являются одними из наиболее опасных противоправных деяний, представляющих собой умышленное физическое воздействие одним человеком на другого с применением силы, а также предметов, средств и орудий и

посягающих на различные элементы здоровья человека вплоть до лишения его жизни. Насильственные преступления, обладая сходными признаками и особенностями, могут быть включены в одну и ту же категорию. Объединяющим фактором для данной категории преступлений является способ их совершения, а именно применение физического насилия или реальная угроза применения такого насилия. Различные составы насильственных преступлений, предусмотренных в 16 главе Уголовного кодекса РФ¹ (далее – УК), включают в себя такие преступления против личности, как убийство, причинение различной степени тяжести вреда здоровью, побои, истязание и изнасилование. Родовым объектом этих преступлений являются общественные интересы в сфере охраны интересов личности, а непосредственным – жизнь, здоровье человека [5, с. 180]. При квалификации данных преступлений обязательно должна усматриваться такая форма вины, как умысел. Однако уголовное законодательство предусматривает ответственность не только за физическое, но и за психическое насилие, которое подразумевает именно угрозу применения силы (статья 119 УК).

Несмотря на достаточную изученность насильственных преступлений и личности преступников, их совершающих [2; 8-9; 11; 13 и др.], в полной мере предупредить их совершение невозможно. Развитие информационно-телекоммуникационных сетей, в частности, сети «Интернет», все больше и больше приобретающие популярность различные социальные сети и мессенджеры, открывающие злоумышленникам доступ к личной информации пользователей, в целом привело к увеличению числа случаев интернет-травли, то есть психического насилия. Оно включает в себя опубликование в сети интернет сведений, наносящих урон чести и достоинству личности, публикация компрометирующих данных, распространение призывов и высказываний, направленных против личности или группы лиц, то есть, появляется такая форма психического насилия, как кибербуллинг².

В современном уголовном законодательстве РФ отсутствует специальная норма, устанавливающая ответственность за вышеупомянутую форму насилия, хотя кибербуллинг в определенных случаях может вызывать последствия вплоть до смерти в форме самоубийства тех, в отношении кого он осуществляется. Необходимо заметить, что ранее ответственность за оскорбление предусматривалась статьей 130 УК, которая в 2011 году была декриминализована и утратила силу. Впоследствии нанесение оскорбления признали

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СЗ РФ от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.

² Кибербуллинг - это запугивание и травля с использованием цифровых технологий. Он может проходить в социальных сетях, в приложениях для обмена сообщениями, на игровых платформах и в мобильных телефонах. Это повторяющиеся эпизоды, цель которых - напугать, разозлить или опозорить тех, кого преследуют. // Интернет-ресурс: URL: <https://egov.kz/cms/ru/articles/child/kiberbulling> (дата обращения 28.12.22)

правонарушением и дополнили Кодекс об административных правонарушениях³ (далее – КоАП) статьей 5.61, предусматривающей административную ответственность за оскорбление. Однако, по нашему мнению, подобное решение было ошибочным, так как оскорбление в определённых видах и формах не менее общественно опасно, чем, к примеру, доведение до самоубийства (статья 110 УК) или угроза убийством (статья 119 УК). Хотя при определённых обстоятельствах данные статьи можно применить при квалификации интернет-насилия, однако они не способны полностью охватить все потенциальные преступления с применением кибербуллинга.

Признавая необходимость совершенствования российского уголовного законодательства, а также тот факт, что правовая система России относится к романо-германской, в отношении кибербуллинга возможно заимствование опыта законодательной борьбы других стран этой же системы. Так, в Германии уголовным преступлением являются отдельные элементы кибербуллинга, совершение которых может повлечь за собой до 10 лет лишения свободы. Обращаясь к опыту государств с англо-саксонской правовой системой, например, США, можно заметить, что ответственность за харрасмент в интернете – один из видов психического насилия – предусмотрена в 44 штатах [8, с. 180]. Таким образом, основываясь на опыте законодательной практики зарубежных стран, можно говорить о потребности в формировании в России единого, системного подхода к выявлению и предупреждению случаев насилия и травли в интернете.

С учетом выхода насильственных преступлений на новый цифровой уровень, встал вопрос о допустимости многих так называемых «электронных» доказательств в судопроизводстве. Их возросшее значение в первую очередь обуславливается массовым распространением таких электронно-технических средств как смартфоны, планшеты, ноутбуки и другие. Одним из них является «скриншот» (снимок экрана), который в ряде случаев может выступать как единственное возможное свидетельство совершения психического насилия с использованием сети «Интернет» (кибербуллинга). Снимок экрана может содержать в себе подтверждение наличия сведений и данных, подтверждающих факт правонарушения. Однако в настоящее время такое понятие не имеет официального закрепления в уголовном законодательстве, и, соответственно, его допустимость в суде весьма спорна, что создает определенные сложности при доказывании преступных действий. При этом следует отметить, что нет ни одной уголовно-процессуальной нормы, запрещающей применение такого доказательства в суде.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (КоАП РФ) (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 1.

Обратим внимание на то, что возможность допустимости электронных средств доказывания в суде предусматривается в смежных отраслях права. Так, например, из содержания части 1 и 3 ст. 75 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (далее – АПК) вытекает положение, позволяющее принимать в качестве доказательств «документы, выполненные в форме цифровой, графической записи или иным способом, позволяющим установить достоверность документа». Похожие положения закреплены и в ч.1, 1.1 ст.70 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации⁵ (далее – КАС). При условии, что понятия «скриншот» (снимок экрана) нет ни в одном законе, его допустимость в суде обуславливается фразой «иным электронным способом, позволяющим использовать достоверность документа». Более того, уже известен случай использования «скриншота» как доказательства именно в уголовном судопроизводстве. Например, на основании приговора Курского гарнизонного военного суда Курской области от 18 января 2012 года лицо было признано виновным по ч. 1 ст. 282 УК РФ. Особенностью в данном деле было использование снимка экрана, как «электронного» доказательства совершения преступления⁶.

Так называемый «скриншот» может выступать как снимок сайта в интернете, в мессенджерах, социальных сетях и др. Но, как мы видим, на данный момент «скриншот», как допустимая форма предоставления сведений, подтверждающих совершение преступления, находится в законодательно неопределённом положении, несмотря на свою значимость и очевидную эффективность. По нашему мнению, для применения такой формы доказательств в судебной практике, необходимо внести соответствующие изменения в УК и УПК РФ.

Несмотря на разностороннюю изученность [3; 4; 6, 12 и др.], вопрос квалификации преступлений, в том числе насильственных, по-прежнему остается актуальным. На практике возникают сложности с применением уголовно-правовых норм, поскольку существует конкуренция между ними. Как отмечалось ранее, насилие может как образовывать самостоятельный состав преступления, так и быть одним из способов его совершения. В связи с этим возникает вопрос – в каких случаях имеет место конкуренция норм уголовного закона, а когда – совокупность преступлений? В первом случае содеянное признаётся единым преступлением, а во втором – набором нескольких самостоятельных общественно опасных деяний, подлежащих отдельной квалификации [10, с. 76-79].

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // СЗ РФ от 29 июля 2002 г. N 30 ст. 3012.

⁵ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. N 21-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ от 9 марта 2015 г. N 10 ст. 1391.

⁶ Приговор Курского гарнизонного военного суда (Курская область) № 3-2012 от 18 января 2012 г. // Интернет-ресурс: UR: Lhttp://ivo.garant.ru/#/document/64150386 (дата обращения: 06.12.2022).

Нередко в судебной практике имеют место трудности с квалификацией совершенного насильственного преступления ввиду того, что в законодательстве применяются разные понятия: «насилие, опасное для жизни и здоровья», «насилие, не опасное для жизни и здоровья», «иные насильственные действия», «иное насилие», «иные тяжкие последствия». К примеру, термин «насилие, опасное для жизни и здоровья» носит противоречивый характер: если насилие не опасно для здоровья, то оно априори не может быть опасно для жизни.

Помимо этого, в ряде статей особенной части УК РФ объективным признаком преступления служат лишь сами насильственные действия, будь то угроза или непосредственно деяние, не предусматривая общественно опасные последствия. Данная категория составов отнесена к формальным. Также в законе присутствуют и материальные составы, где учитывается и причинённый вред здоровью. Однако в судебной практике бывают случаи, где самым значимым обстоятельством при квалификации деяния является реальный вред здоровью.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного исследования можно прийти к выводу о том, что при совершенствовании уголовного и иного законодательства, касающегося преступных проявлений насилия, необходимо провести мониторинг терминологии в данной сфере для единообразного применения норм. В следственной и судебной практике возможно расширение пределов допустимости некоторых видов доказательств.

Библиография

1. Антонова, Н. В. Анализ историй кибербуллинга в сети интернет как направление профилактики насилия над детьми / Н. В. Антонова // Социальное взаимодействие в различных сферах жизнедеятельности : материалы VII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2017 года. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2017. – С. 348-352. – EDN ZRMTSJ.
2. Артюшина, О. В. Криминологическая характеристика насильственной преступности в современной России / О. В. Артюшина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 2(20). – С. 18-22. – EDN TVQXGJ.
3. Боровиков, В. Б. Вопросы квалификации насильственных преступлений / В. Б. Боровиков // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 3. – С. 108-111. – EDN SGYSNF.
4. Гаухман, Л. Д. Проблемы квалификации насильственных преступлений / Л. Д. Гаухман // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 39-42. – EDN TBWWNH.
5. Гладких, В. И. Уголовное право России в таблицах и комментариях. Общая часть / В. И. Гладких, М. Г. Решняк. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство ЮРАЙТ», 2020. – 215 с. – ISBN 978-5-534-13647-0. – EDN PPEZQV.

6. Ильина, И. А. Проблемные вопросы квалификации преступлений, совершаемых с применением насилия / И. А. Ильина // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – С. 25. – EDN TVMHAZ.

7. Квашис, В. Е. О росте насильственной преступности в США / В. Е. Квашис // Общество и право. – 2021. – № 3(77). – С. 14-17. – EDN UXQQPG.

8. Лонцакова, А. Р. Выявление бессознательного мотива насильственного преступного поведения - одно из направлений предупреждения насильственных преступлений / А. Р. Лонцакова // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 152-155. – EDN EBQHVК.

9. Матвеева, Е. В. Домашнее насилие: проблема, факторы его определяющие и последствия у женщин, жертв домашнего насилия / Е. В. Матвеева, Н. М. Пинегина // Научный альманах. – 2021. – № 12-2(86). – С. 97-101. – EDN KMGGWC.

10. Наумов, А. В. Совокупность в составных насильственных преступлениях: Когда она есть и когда отсутствует / А. В. Наумов // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 76-79. – EDN TBWWSH.

11. Олейникова, А. С. Формирование личности насильственного преступника. Виктимность насильственного преступника / А. С. Олейникова // Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник статей IX Международной научно-практической конференции. В 2 ч., Пенза, 05 апреля 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 60-62. – EDN DYIVED.

12. Решняк, М. Г. О системности права и некоторых аспектах действия во времени бланкетных уголовно-правовых норм / М. Г. Решняк // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 3. – С. 98-100. – EDN TYQBUT.

13. Ткачева, Ю. С. Физическое насилие как категория криминального насилия / Ю. С. Ткачева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 8. – С. 123-128. – DOI 10.23672/12174-0288-2356-a. – EDN RWDUBH.